

Книга Нины Баландиной «Поплавки стихов» – своего рода исповедь, выражение благодарности за сопричастность великому таинству жизни, простому земному труду и творчеству. Название выбрано неслучайно и вызывает различные ассоциации, но, пожалуй, самая верная из них подсказана стихотворением-предисловием. *«У меня под рукой нет времени»,* – говорит Нина, подразумевая скоротечность времени земного. Не имея возможности «опереться» на существующий порядок вещей и осознавая бренность, непостоянство многих жизненных явлений, она силой творческого воображения создаёт свою вселенную, своё альтернативное пространство, над которым время не властно. Поймать мгновение жизни и зафиксировать его в вечности, сделать абсолютной величиной – вот главная задача автора. Так возникают особые времена года и особые понятия, которые отличаются от реальных, заключая в себе бессмертные смыслы.

*Так однажды появилась осень, из которой никогда не улетала бабочка.
Листопад, сумевший не коснуться земли.
Поплавки стихов...*

Поплавок, дрожащий, когда «добыча» клюёт – символ ввода в другое измерение, логический переход от поверхностного, явленного, в область неявного, неочевидного, лежащего где-то на глубине и связанного с подлинной, духовной основой человеческой жизни.

Постепенное прозревание истины в простых, бытовых вещах, устремлённость от конкретного к общечеловеческому и желание познать жизнь в её взаимосвязях – главные темы разделов «Эта память черёмух, замешанных на облаках» и «Никчемушка». Они полностью посвящены теме памяти и семьи.

Лирическая героиня Нины Баландиной не мыслит себя вне истории своего рода, вне конкретных духовных и географических привязок к месту, где она родилась, выросла и обрела личное счастье. Она чем-то напоминает Дарью Пинигину из повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Главная черта этого персонажа – сильная привязанность к малой родине, острое чувство генетической памяти. *«Род – это нитка с узелками. Одни узелки распускаются, умирают, а на другом конце завязываются новые»,* – говорила Дарья, и таким же узелком, связанным как с прошлым, так и с будущим, ощущает себя автор книги «Поплавки стихов».

«Подлинно духовное рядом, даже в неприглядных бытовых вещах – надо только уметь его увидеть» – как будто говорит нам Нина Баландина. Так, в стихотворении «Помидоры не зрели» деревенская атрибутика пятидесятых годов становится осознанием высших ценностей – нематериального, но сущего:

*– Были брага и шаньги. Не драки: частушки и мат.
И леса – не леса, а огромные мира подворья,
Где под ягоды брали ни много, ни мало – бурак.
И твоилась там жизнь, как хлеба, – без поспешности и суетловья.*

.....

*– Что ж так тянет туда, в эту мокрень, куда без сапог
Не шагнуть. Где как символ прощанья согретый пирог из-за пазух.
Где у кромки дороги стоит нами uznанный Бог:
Деревенский остаток – доверчиво ждущий нас август.*

В другом стихотворении женщина, потерявшая на войне сына, несёт в себе всенародную боль: за всех и вся. Личная трагедия становится для неё общечеловеческой. Героиня на интуитивном уровне понимает, что чужого горя не существует и что «колокол звонит по каждому из нас»:

*По дворам всё скиталась, в шали кутая крик.
Голосила за дальних, за убитых чужих:
С Горбунихи – Олешка, с Горки – целый пятак,
Большедворских, Макафцевских рыжих робят.
Баб, оставленных стынуть, несочтённых сирот...
Что ни спросишь – всё мимо: от ворот поворот.
Что и помнит: – Ты Борьку не видал ли, солдат?
Пусть он мамку-то вспомнит да вернётся назад.*

Персонажи стихов Нины Баландиной глубоко преданы своей земле. У них нет конкретных имён, но они живы своей верой и любовью:

*Так сквозь тяготы наши, уфраты
Нескончаемо тянется нить:
Быть твоим неизвестным солдатом.
Не считается. Не числится.
Быть.*

Из двух разделов книги мы многое узнаём и о самом авторе: о родных краях, где прошло его детство, среди красивых пейзажей Северной Двины, в окружении друзей и близких. Даже диалектные черты этого региона, его специфическая лексика находят отражение в поэтических строках: «где-то у вас половик мой остался, баско ложились на нём узорки...». Узнаём мы и о предках и близких родственниках Нины. Например, о прадеде («в третьем колене, в четвёртом колене прадед мой был до земли неизменен»), о матери, вечно занятой бытом, о «крёстничке», у которой «сегодня был бы день рождения. Сто двенадцать!». Память об этих «земных исповедальнях» прорастает в сознании лирической героини благим семенем. Это и есть поплавки – духовные константы человеческой жизни, маленькие островки, становящиеся ориентирами в поиске великого и несомненного, вечного и непреложного, таящегося в обыденном и повседневном: – *И вот я – тропинка, ведущая в прошлое, – память, Хранящая времени неопалимые знаки.*

Ощущая себя частью родовой истории, Нина Баландина видит её продолжение в своих детях и внуках. В «Никчемушке» опыт общения внука с бабушкой становится первым этапом духовного взросления – приобщения к жизни в семье, где все идут «одной тропой», живут «одной судьбой», к первым понятиям взрослой жизни. Но самое важное – передать ребёнку те ценности, которые станут основой его будущего мировоззрения, посеять в нём ростки добра и созидания:

*А вечером добраться до прочтенья
Исколых истин: книга, стол, тетрадь
И сказки, где не станут умирать,
А выживут назло предназначенью*

Отдельного внимания в этом разделе заслуживает образ птицы. С ней отождествляет себя лирическая героиня, причастная к таинству творчества, ощущающая свою крылатость, стремящаяся преодолеть границы земного бытия. Пусть даже в суете повседневности иногда не остаётся времени для разговора о самом важном, пусть «слишком тянет земное. Господи... слишком» – частичка бессмертной души, заключающей в себе высшее знание о мире, должна быть передана по наследству как высший дар:

*– Птица ли, не птица – частичка сердца,
Память, при которой шипы и розы.
Просто Новый год открывает дверцу
Прямо в небеса... Ты становишься взрослым*

«Внутренняя птица» Нины Баландиной, преодолевая земное притяжение, стремится обрести своё небо, в котором всегда найдётся место для близких людей, дорогих сердцу воспоминаний, высших истин и непреходящих ценностей. Этот поиск становится лейтмотивом книги и наиболее отчётливо выражен в разделах «Сопричастность», «Время ню» и «Краткие повествовательные».

В разделе «Сопричастность» автором успешно пересечены границы земного времени: здесь дуют ветра Гарсиа Лорки, небо смотрит на землю с живописных полотен Ивена Лю, двери раскрываются под мелодичные напевы Пабло Неруды, а подсолнухи оживлены магической кистью Винсента Ван Гога. Это уже совсем другие небеса, и в них парят совсем другие птицы.

Опыт посвящений великим предшественникам важен для автора с точки зрения освоения новых территорий в области творчества. Здесь уже начинается эксперимент со словом, работа над формой, обусловленная «включённостью» в стилистику адресата. Нине Баландиной удаётся создать общее поле творчества, в котором, при сохранении черт своего идиостиля, она воспроизводит индивидуальную манеру письма, интонацию и образный ряд тех, с кем вступает в диалог. Погружаясь в иную языковую среду, автор обогащает собственную речь новыми приёмами ритмической и образной организации текста. Например, в посвящениях Гарсиа Лорке «Ветер листву полощет» и «Посередине мира» ощущается особая мелодичность, напевность поэтических строк, организованные лексическими и звуковыми повторами:

*Старый колодец крепок, –
Вновь нас презимует
И на пороге лета
Вскроется новой жаждой.
Той, что таит в глубинах
Звёзды.
Всего лишь звёзды.*

В разделе «Время ню» эксперимент с формой продолжается. Здесь Нина Баландина превращается в философа-созерцателя, восточного хайдзина, чьи минутные экзистенциальные прозрения умещаются в лаконичную форму японского хойку. Весна, лето, зима и особенно осень – всего лишь повод увидеть мир в его едва уловимых, мистических связях:

*Птицы унесли всё лишнее
Души обнажились.
Ноябрь. Время ню.*

Вновь возникающий образ птицы, ассоциируемой с иной, духовной, ипостасью героини, становится указателем того предельного откровения, которое приближает и автора, и его читателя к постижению глубинных основ жизни и собственного существования.

Эти «глубины» материализуются в заключительном разделе книги «Краткие повествовательные». Здесь уже возникает безграничное поле творческого эксперимента, пространство для мифотворчества. В жанровом отношении предложенные автором тексты трудно определить однозначно: по способу формальной организации это скорее философские эссе, прозаические зарисовки. Наряду с этим каждый текст обладает своим особым ритмическим рисунком, что сближает его с акцентником или верлибром. Намеренный отказ от силлабо-тоники свидетельствует о том, что автору, склонному к философским обобщениям, уже трудно оставаться в границах традиционной речи. Его мысль развивается свободно и хаотично, каждый раз преодолевая инерцию письма с его нерушимыми грамматическими законами.

*Сумерки – нежное грехопадение всего телесного и осязаемого: стадность человеческая, когда ты и «всё»,
и «никто» одновременно... Солнце, опрокинутое прямо в подставленные ладони. Море, забирающее
и отталкивающее от себя.*

Время, когда у тебя есть выбор: погасить или продлить свет.

«Краткие повествовательные» – логический итог авторских раздумий о мире. Здесь используется уже иная форма поэтического высказывания – не от имени представителя своего рода, а от имени творца, живущего в ином измерении. В этом вневременном сакрализованном пространстве земные реалии заменены универсальными категориями, относящимися к области вечных, непреходящих ценностей. «Болевое чутьё красоты» становится для Нины Баландиной главным художественным меридианом, с помощью которого любой объект реального мира преобразуется в нечто иное, заключая в себе идею вселенской гармонии и божьего промысла:

*Неуёмные стебли провоцировали движение.
Им как будто было всё равно,
Что по этому поводу думают оставшиеся цветы,
Потихоньку освобождающиеся от тесных одежд.
Заражая всех патиной и ускользящей красотой времени.*

*Каждое утро я нахожу в них что-то новое.
Другое расположение теней.
Беспомощность одних и неуязвимость предназначенного,
Некоторого «вдруг», которым так полна жизнь...*

Я учусь икебана...

Указанные в названии книги поплавки стихов появляются и в самом конце, проясняя замысел автора. Он – вечный рыбак, в житейском море которого самое главное – «остановиться и просто ждать». Своего кита, встреча с которым может быть отложена на неопределённое время, но в конечном итоге случится обязательно – потому что таков замысел творца:

*Поплавок не успевал подавать сигналы о рвущейся ко мне добыче. Лодка не успевала принимать её.
А я знал, что это приплыл мой кит <...>
Мой кит! Завтра мы обязательно увидимся с тобой, и я спою тебе песню, которая родилась сегодня.*